

Шпет Густав Густавович

Внутренняя форма слова

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Г96

Г96 **Густав Густавович Ш.**
Внутренняя форма слова / Шпет Густав Густавович – М.: Книга по Требованию, 2023. –
217 с.

ISBN 978-5-521-31525-3

ISBN 978-5-521-31525-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Двумя обстоятельствами затруднилось до сих пор усвоение наукою общих лингвистических идей Гумбольта. Основная работа Вильгельма Гумбольта, излагающая его принципиальные взгляды на природу языка, была издана его братом после смерти автора, — знаменитое *Введение к исследованию языков: Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts*, 1836. Она, следовательно, была лишена последней авторской редакционной заботы. А, может быть, как отмечает Дельбрюк, и возраст автора играл свою роль. Но только нельзя отрицать, что изложение у Гумбольта — трудное, спутанное и даже противоречивое¹⁾. Прав Дельбрюк, когда говорит, что здесь „собственные воззрения Гумбольта часто носят скорее, как дух над подмани, чем допускают облечение их в форму, не вызывающую недоразумений, пригодную для дидактической передачи“ (Vergl. Synt. I, 38).

Второе обстоятельство: Штейнталь, „ученик, истолкователь и продолжатель“²⁾, а также и популяризатор идей Гумбольта, по умственному складу, тенденциям и соответственно своей психологистически-инвентаризирующей эпохе, был менее всего призван к тому, чтобы найти адекватную форму для того „духа“, о котором говорит Дельбрюк³⁾. Попытку Пота (A. F. Pott) вновь

¹⁾ Ср. также Steinthal, Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues, 1860, S. 27 ss., о трудности понимания Гумбольта и о его бессистемности вследствие противоречия между его эмпирическими воззрениями и априорными теориями.

²⁾ Так характеризует себя Штейнталь сам — Ztschr. f. Völkerpsych. VIII, S. 219 ss.

³⁾ Первое обстоятельное изложение учения Гумбольта Штейнталь дает в работе, направленной против сочинения Макса Мюллера (Die Elemente der philosophischen Sprachwissenschaft W. v. Humboldts), и посвящен „апологетический характер: Die Sprachwissenschaft W. v. H.“

возбудить интерес к подлинному Гумбольту, переизданием его труда, можно назвать преждевременною для нас, но запоздалою для своего времени¹⁾, — уже Уитней характеризовал отношение своего времени к Гумбольту, как такое, когда его „превозносят, не понимая и даже не читая“ (St. on The Origin of Lang. 1872, p. 3).

С тех пор многое изменилось. Общие идеи Гумбольта приобретают для лингвистики значение принципов. Поэтому, их судьба связывается не только с историей самого языкознания, но и с судьбами философии. Тот возрождающийся поворот в философии, который начался еще в конце прошлого века и который прекращал запальчивые, но безрезультатные метафизические

boldt's und die Hegel'sche Philosophie 1848; затем более критически — в Die Classification der Sprachen 1850 (сильно увеличенная переработка, по отношению к Гумбольту еще более критическая, — 1860 г. под заглавием Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues; морфологическая классификация языков Гумбольта, кажется, единственное, что стало достоянием всяких популяризаций, да и то, быть может, только потому, что была принята Шлейхером) и в статье Der Ursprung der Sprache 1851; специальное учение о внутренней форме излагается Штейнталем в его Grammatik, Logik und Psychologie usw. 1855 (против Бекера) и в измененном и переделанном виде в Abriss d. Sprachwissenschaften, 1., 1871 и 2. Aufl. 1881. — На русском языке некоторые идеи Гумбольта были популяризованы Потебнею, но также в штейнталевской интерпретации (ср. Мысль и язык, 3-е изд., стр. 23 прим.: „В изложении антиномий Гумбольта мы следуем Штейнталу“); Мысль и язык Потебни печаталось в Ж. М. Н. П. в 1862 г., но действительную популяризирующую роль начало играть только в наше время (2-е изд. 1912 г., 3-е 1913, и дал.). Статья П. И. Житецкого (В. Гумбольдт в истории философского языкознания. Вопр. филос. и психол. 1900, кн. 1), пытавшаяся в самом начале нашего века вновь привлечь внимание к Гумбольту, более независима, но очень обща. Есть на русском языке и перевод сочинения Гумбольта, сделанный П. В. Ларским: „О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода“, первоначально в Ж. М. Н. П. за 1858 и 59 г.г., а затем и отдельно, 1859 г.; этот несвоевременный перевод вышел у нас и неуместно, в качестве „учебного пособия по теории языка и словесности в военно-учебных заведениях“...

¹⁾ 1876 г. (вновь в 1883); это было второе самостоятельное издание Введения Гумбольта, если не считать VI тома (вышедшего в 1848 г.), предпринятого в 1841 г. Александром Гумбольдом Собрания сочинений брата. Собственное Введение Пота к изданию, составившее томик в 400 с лишним страниц, своей мозаичною и нетростю мало могло помочь в разъяснении того, что действительно труднее у Гумбольта. (В дальнейшем ссылки на Введение Гумбольта делаются по изданию Пота).

пререкания спиритуалистических, материалистических и мистицистических космологий, стал началом критического пересмотра прежних грандиозных философских построений с целью извлечения из них того, что в них было жизнеспособного, и развития его в положительном направлении. В связи с этим общим поворотом, внешним поводом для нового, внимательного изучения идей Гумбольдта послужило, начатое в 1903 году Прусской Академией Наук, новое издание сочинений Гумбольдта, вызвавшее уже ряд выдающихся исследований о разных частях его учения. Ныне нужно радикально изменить суждение Уитни¹⁾ и признать, что только „не понимая и даже не читая“ можно было бы зачислять Гумбольдта в разряд писателей, чье значение потеряло значение для современной науки.

Ниже следующее изложение имеет в виду одну из проблем, выдвинутых Гумбольдтом, но, как представляется автору, одну из плодотворнейших. Оно базируется, главным образом, на основном, вышеупомянутом, его принципиальном сочинении.

Преследуя в своем изложении, между прочим, задачи популяризации, автор допускал повторения, которые не всегда могут быть оправданы его диалектическими намерениями, и объясняются целями дидактическими. В интересах последних, может быть, следовало бы, как принято, ввести в изложение некоторое количество так называемых „примеров“. Но, по правде, бывает как-то неловко, — за автора или читателя? — когда серьезная речь ~~начинает~~ ^{начинает} походить — то ли на сборник школьных упражнений, то ли на „самоучитель“ иностранного языка. На школьников и самоучек эта книга все-таки не рассчитана. Кроме того, всегда думается, читатель, если он уловил мысль автора, сам, в собственном запасе, найдет нужные ему примеры. И ему ведь важнее научиться применять, чем примерять. — Подзаголовком, указывающим на характер настоящей работы, автор получил право сократить эти предисловие строки. Если бы автор был вообще смелее, он, наверно, прибавил бы к словам „этюды и вариации“ еще один музыкальный термин: „и фантазии“...¹⁾.

¹⁾ В основу этой работы положен доклад, читанный автором в 1923 г. в Комиссии по изучению художественной формы при Философском отделении Академии Художественных Наук.

Всё совершается логически.

Гераклит, Fr. 2; Sext. Empir. adv. math. VII, 132.

Не одно ли и то же рассудок и речь, — за исключением того только, что рассудком был назван у нас внутренний диалог души с собою, совершающий всё это безгласно.

Платон, Soph. 263 E.

Введение эйдосов получилось из рассмотрения словопонятий (предшественники Платона не располагали диалектикою).

Аристотель, Met. I, 6, 987 b, 12.

Слово не сообщает, как некая субстанция, чего-то уже готового, и не содержит в себе уже законченную понятия, а только побуждает к самостоятельному образованию последнего, хотя и определенным способом. Люди понимают друг друга не потому, что они действительно проникаются знаками вещей, и не потому, что они взаимно предопределены к тому, чтобы создавать одно и то же, в точности и совершенстве, понятие, а потому, что они взаимно прикасаются к одному и тому же звену цепи своих чувственных представлений и внутренних порождений в сфере понятия, ударяют по одной и той же клавише своего духовного инструмента, в ответ на что тогда и выступают в каждом соответствующие, но не тождественные понятия.

В. Гумбольдт, Ueb. d. Verschied, § 20.

Стихотворение есть речь мерная или стройная, более устроенная, чем проза; поэзия есть стихотворение, значительное по смыслу, содержащее воспроизведение божественного и человеческого.

Посидоний; Diog. Laert. VII, segm. 60.

Язык, в полном материальном разнообразии своего развития, тесно связан с образованием „национального духа“, так что сравнительное изучение многообразия языков может вестись только путем исторического исследования.⁷ Но для возможности самого этого последнего и для правильной оценки индивидуальных особенностей отдельных языков необходимо, с одной стороны, проникнуть в их изначальную внутреннюю органическую связь, и, с другой стороны, рассмотреть отличительные особенности человеческого духа в его целом. Ибо язык, будучи в своих индивидуальных особенностях характеристикой народности, в своих общих свойствах есть орган внутреннего бытия, и даже само это бытие, как оно постепенно достигает внутреннего познания и своего обнаружения.⁷

Прежде чем выступить во внешний мир, каждое человеческое действие совершается внутренне: ощущение, желание, мысль, решение, поступок, а также и язык. Последний исходит из такой глубины человеческой природы, что его даже нельзя назвать собственным творчеством народов; он обладает видимо проявляющейся, хотя и необъяснимой в своем существе, самодеятельностью. Народ пользуется языком, но знает, как он образовался, так что представляется, что язык не столько проявление сознательного творчества, сколько непроизвольное истечение самого духа.— С самого своего начала язык порождается не только внешнею необходимостью общения, но и чисто внутренними потребностями человечества, лежащими в самой природе человеческого духа. В этом последнем качестве язык служит для развития самих духовных сил и для приобретения мировоззрения, которое достигается, когда человек доводит свое мышление до ясности и определенности в общем мышлении с другими людьми. Но как ни всесторонне язык проникает

внутреннюю жизнь человека, всё же он имеет незаписанное, внешнее бытие, оказывающее свое давление на самого человека.

Существование языков доказывает, что есть такие творения духа, которые возникают из самостоятельности всех, а вовсе не переходят от какого-нибудь одного индивида к остальным. В языках, следовательно, так как они всегда имеют национальную форму, нации, как такие, оказываются в собственном и непосредственном смысле творческими. С другой стороны, так как языки неразрывно связаны с внутренней природою человека и скорее самостоятельно протекать из нее, чем произвольно ею порождаться, можно с полным основанием интеллектуальные особенности народов называть действием языков. Связь индивида с его народом покоится именно в том центре, из которого обща духовная сила определяет всё мышление, ощущение и волеие. Язык родственно связан со всем в ней, как и целом, так и в частностях, и нет ничего, что могло бы остаться языку чуждым. В то же время он не остается только пассивным восприимчивым впечатлений, но выбирает из бесконечного разнообразия возможных направлений одно определенное и модифицирует во внутренней самостоятельности всякое оказанное на него внешнее воздействие. Он, не противостоят духовной особенности, как нечто от нее внешне отделенное, но, будучи, в указанном смысле, созданием нации, он остается вместе и самосозданием индивида, в том смысле, что всякий предполагает понимание его со стороны других, а те удовлетворяют его ожиданиям. Рассматриваемый, как мировоззрение или как связь идей,—а оба эти направления в нем объединяются,—язык всегда и необходимо покоится на общей совокупности духовных сил человека.

Языки—первая необходимая ступень в примитивном образовании человеческого рода, и лишь по достижении этой ступени народы могут идти дальше, в направлении более высокого развития. Язык и дух идут вперед не друг за другом и не друг обособленно от друга, но составляют безусловно и нераздельно одно действие интеллектуальной способности. Мы разделяем интеллектуальность и язык, но в действительности такого разделения не существует. Духовные особенности и оформление языка (*Sprachgestaltung*) народа так интимно слиты, что если дано одно, другое можно из него вывести, ибо интеллектуальность и язык допускают и поддерживают лишь взаимно пригодные

формы. Язык есть как бы высшее явление духа народов, — их язык есть их дух и их дух есть их язык.⁷

Принимая языки за основание для объяснения последовательного духовного развития и допуская, что они возникли вследствие духовных особенностей, видовые отличия которых сказываются в строении каждого языка в отдельности, нужно, чтобы связать сравнительное изучение языков с общими принципами развития языка,⁷ придать всему исследованию особое направление. Надо рассматривать язык не как мертвый продукт производства (ein Erzeugtes), а, скорее, как само производство (eine Erzeugung).⁷ Для этого надо отвлечься от роли языка в обозначении предметов и в опосредствовании понимания, сосредоточив внимание на его протекании, тесно сплетающемся с внутренней духовною деятельностью, и на их взаимном влиянии.⁷ Когда найдены общие источники всех индивидуальных особенностей, и когда разбросанные черты связаны в образ одного органического целого, тогда мы получаем возможность дальше следить за развитием индивидуальных развитий и сравнивать их между собою. Чтобы сравнение различных языков со стороны характеризующего их строения было плодотворно, нужно исследовать форму каждого из них, и таким образом удостовериться, как каждый решает вопросы, которые, как задачи, подлежат всякому языковому порождению. Язык в своей действительной сущности есть нечто, всегда и во всякое мгновение преходящее (Vorübergehendes). Это есть не έργον, а ενεργεια, т. е. непрерывная работа духа, направленная на то, чтобы сделать артикулованный звук пригодным для выражения мысли. Это определение непосредственно относится ко всякому отдельному говорению, но в истинном и существенном смысле лишь как бы совокупность этого говорения можно рассматривать, как язык. По разрозненным элементам нельзя постигнуть того, что в языке является самым тонким и высоким, и это — лучшее доказательство, что язык собственно заключается в акте своего действительного порождения (Hervorbringen), поскольку он воспринимается и предчувствуется в связи речи. Называть языки работою духа тем более правильно, что вообще бытие духа мыслимо только в деятельности и как деятельность. Эта работа действует постоянным и единообразным способом. Ее цель — разумение или понимание (das Verstandniss). Это — постоянство и единообразие в работе духа, направленные на то,

чтобы возвысить артикулированный звук до выражения мысли, составляют форму языка. В этом определении форма выступает, как абстракция, тогда как в действительности это — индивидуальный порыв души, которым она в языке сообщает своей мысли и своему ощущению значимость. Но так как этот порыв никогда не дан нам в целостности своего стремления, а лишь в разрозненных своих действиях, то нам остается только запечатлеть в мертвом общем понятии однородность его действия. В себе этот порыв всё же — единый и живой. — Под форму языка здесь разумеется безусловно не просто, так называемая грамматическая форма. Понятие языковой формы простирается значительно дальше правил словосочетания (Redefügung) и словообразования (Wortbildung), поскольку под последним разумеется применение общих логических категорий действия, подлежащего, субстанции, свойства, итд., к корням и основам. К образованию основных слов¹⁾ это понятие совершенно особенно применимо, и на деле должно по возможности применяться к ним, если мы хотим достигнуть познания сущности языка. — Форме противопоставляется содержание; но, чтобы найти содержание языковой формы, надо выйти за границы языка. Внутри языка о содержании можно говорить только относительно, например, основное слово — по отношению к склонению. В других отношениях то, что принято здесь за содержание, считается формой. Язык может заимствовать какие-нибудь слова из другого языка и обрабатывать их, как содержание, но и они — содержание только в этом отношении, а по сами по себе. Абсолютно в языке нет неформленного содержания, так как всё в нем направлено к определенной цели — выражению мысли; и эта работа начинается с первого же элемента, с артикулированного звука, так как именно благодаря оформлению он становится артикулированным. Действительное содержание есть, с одной стороны, звук вообще, а с другой — совокупность чувственных впечатлений и самостоятельных движений духа, предшествующих образованию понятия с помощью языка. — Анализ языка должен начинаться со звука и должен входить во все грамматические тонкости разложения слов на их элементы, но так как в понятие формы языка никакая частность не входит,

¹⁾ Cf. Delbrück, Vergleich. Syntax, I, S. 42: „...die Bildung der Grundwörter oder, wie wir sagen würden, die Etymologie...“.

как изолированный факт, она всегда принимается лишь постольку, поскольку в ней открывается метод образования языка. По воплощению формы можно узнать специфический путь языка, а вместе с тем и пацни, путь, который пролагается ею к выражению мысли. Форма по самой природе своей есть сочинение (eine Auffassung) отдельных, и противоположность ей, рассматриваемых, как содержание, языковых элементов в духовном единстве.

Размышление над языком открывает нам два, ясно отличающихся друг от друга принципа: звуковая форма и употребление (Gebrauch), которое она находит при обозначении предметов и связывании мыслей. Употребление звуковых форм основывается на тех требованиях, которые предъявляются к языку мышлением, из чего возникают общие законы языка. Эта часть, как в своем первоначальном направлении, так и в особенностях духовных склонностей и развития, у всех людей, как таких, одинакова. Напротив, звуковая форма является собственно конститутивным и руководящим принципом различия языков, как самих по себе, так и со стороны тех затруднений или содействий, с какими звуковая форма противопоставляется внутренним тенденциям языка. Из этих двух принципов, из их взаимного проникновения друг другом, происходит индивидуальная форма великого языка. — Язык есть образующий орган мысли. Интеллектуальная деятельность, всецело духовная и внутренняя, благодаря звуку речи, становится внешнею и чувственно воспринимаемою. Без связи с звуком речи мышление не могло бы достигнуть отчетливости, и представление не могло бы стать понятием. — Как внешняя природа, так и внутренняя деятельность, представляются человеку в виде множества признаков, которые он сравнивает, разделяет и связывает, стремясь к всё более объемлющему единству. Подчиняя предметы определенному единству, человек ищет единства звука, который является представителем того места, которое занимают предметы. Как живой звук, как дыхание бытия, он и вне языка течет из груди, выражая горе и радость, любовь и ненависть, и таким образом вместе с обозначаемыми предметами звук передает производимое ими чувство и общую полноту жизни.

Остаиваясь специально на отношении мышления и языка, нужно отметить, что никакое представление не есть просто рецептивное созерцание налично находящегося предмета.

Субъективная деятельность сама образует в мышлении объект. Деятельность чувств должна синтетически связаться с внутренним действием духа, чтобы из этой связи выделилось представление, стало, — по отношению к субъективной способности, — объектом и, будучи воспринято в качестве такового, вернулось в названную субъективную способность. Представление, таким образом, претворяется в объективную действительность, не липаясь при этом своей субъективности. Для всего этого необходим язык, так как именно в нем духовное стремление прорывает себе путь через губы и возвращает свой продукт к собственному уху. Без указанного, хотя бы и молчаливого, по сопровождающего содействием языка, претворения в объективность, возвращающегося к субъекту, было бы невозможно образование понятия, а следовательно, и никакое истинное мышление. Поэтому, не касаясь даже сообщения, идущего от человека к человеку, можно утверждать, что язык есть необходимое условие мышления индивида в его заключенном одиночестве. Но в действительности человек понимает и себя, лишь удостоверившись в том, что его понимают другие, и потому язык развивается только в обществе. Всякое говорение, начиная с простейшего, включает индивидуально ощущаемое в общую природу человечества. То же самое относится и к пониманию: понимание и говорение только разные действия одной и той же языковой способности.

Как не возможно без языка понятие, так не может быть без него для души никакого предмета; даже внешние предметы получают для нее свою полную существенность лишь благодаря посредству языка. Но в образование и в употребление языка необходимо переходит весь способ субъективного восприятия предметов, ибо слово рождается именно из этого восприятия, и оно есть отпечаток не предмета самого по себе, а образа, произведенного этим предметом в душе. Поскольку в одной нации на язык воздействует одnorodная субъективность, постольку во всяком языке заключается своеобразное мировоззрение. Как отдельный звук посредствует между человеком и предметом, так весь язык посредствует между человеком и внутренне и внешне воздействующею на него природою. Человек окружает себя миром звуков, чтобы воспринять в себя и обработать мир предметов. Тем же актом, которым человек извлекает из себя язык, он увлекает себя в него, и каждый язык как бы обводит свой народ некоторым кругом, выйти из которого можно лишь на-